

ОДИССЕЙ

2005

Время и пространство
праздника

Школа «Анналов» на рубеже
веков

Девiantное поведение русских
горожан в XVIII веке

Caritas Святого Геральда

Павел I: рыцарство и юродство

«Your country needs you»

НАУКА

2005

ОДИССЕЙ

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUTE OF UNIVERSAL HISTORY

ODYSSEUS

Man in History

*Festival:
Time and Space*

2005

ОДИССЕЙ

Человек в истории

*Время и пространство
праздника*

2005

Продолжающееся издание
“Одиссей. Человек в истории”
основано в 1989 году

Главный редактор
А.Я. ГУРЕВИЧ

Редакционная коллегия:

М.Л. АНДРЕЕВ, Л.М. БАТКИН,
Г.В. БОНДАРЕНКО (ответственный секретарь),
Б.С. КАГАНОВИЧ, С.И. ЛУЧИЦКАЯ (зам. главного редактора),
В.Н. МАЛОВ, С.В. ОБОЛЕНСКАЯ, М.Ю. ПАРАМОНОВА,
А.В. ТОЛСТИКОВ, П.Ю. УВАРОВ, Д.Э. ХАРИТОНОВИЧ,
А.Л. ЯСТРЕБИЦКАЯ

Секретарь редакции М.Л. КОПЫТОВА

Редакционный совет:

Ю.Н. АФАНАСЬЕВ, ВОЙЦЕХ ВЖОЗЕК, НАТАЛИ ЗЕМОН ДЭВИС,
ВЯЧ.ВС. ИВАНОВ, ЖАК ЛЕ ГОФФ, Е.М. МЕЛЕТИНСКИЙ,
В.И. УКОЛОВА, А.О. ЧУБАРЬЯН

Рецензенты:

кандидат исторических наук В.Г. ЧЕНЦОВА,
кандидат исторических наук А.В. ШАРОВА

Одиссей : Человек в истории / [гл. ред. А.Я. Гуревич ; Ин-т всеобщ.
истории]. – М. : Наука, 1989. –

2005. – 2005. – 470 с. – ISBN 5-02-010264-4 (в обл.).

В статьях ведущих представителей “школы Анналов” – М. Эмара и Ж.-И. Гренье обсуждаются проблемы эпистемологии и теории исторического познания. Главный раздел номера посвящен историческому анализу феномена праздничной культуры. Большое внимание уделяется также теме “Историк и изображение”. В этом разделе публикуется статья выдающегося итальянского историка К. Гинзбурга.

Для специалистов по гуманитарным наукам и широкого круга читателей.

Темплан 2005-I-330

ISBN 5-02-010264-4

© Коллектив авторов, 2005

© Российская академия наук и издательство
“Наука”, продолжающееся издание “Одиссей.
Человек в истории” (разработка, редакцион-
но-издательское оформление), 1989 (год осно-
вания), 2005

СОДЕРЖАНИЕ

ВРЕМЯ И ПРОСТРАНСТВО ПРАЗДНИКА

Г.В. Бондаренко

ВВЕДЕНИЕ: ВРЕМЯ ПРАЗДНИКА 5

Г.В. Бондаренко

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ВОСПРИЯТИЯ ДРЕВНЕИР-
ЛАНДСКОГО ПРАЗДНИКА 8

М.Ю. Реутин

НЕСКОЛЬКО СООБРАЖЕНИЙ ПО ПОВОДУ КАРНАВАЛЬ-
НОГО “ХРОНОТОПА” 23

Д.Э. Харитонович

ВЕСЕЛИЕ И НАСИЛИЕ 38

З.А. Чеканцева

ПРАЗДНИК И БУНТ ВО ФРАНЦИИ МЕЖДУ ФРОНДОЙ
И РЕВОЛЮЦИЕЙ 49

Л.А. Пименова

ПРОСТРАНСТВО И ВРЕМЯ КОРОЛЕВСКОГО ПРАЗДНИКА
ВО ФРАНЦИИ КОНЦА СТАРОГО ПОРЯДКА 68

В.Я. Петрухин

“ПРАЗДНИК” В СРЕДНЕВЕКОВОЙ РУСИ; К ПРОБЛЕМЕ
ИСТОРИЧЕСКОЙ СПЕЦИФИКИ 81

Л.А. Трахтенберг

СУМАСБРОДНЕЙШИЙ, ВСЕШУТЕЙШИЙ И ВСЕПЬЯНЕЙШИЙ
СОБОР 89

О.С. Воскобойников, Г.В. Бондаренко

ЗАКЛЮЧЕНИЕ 119

ЖУРНАЛУ “АННАЛЫ” 75 ЛЕТ

А.Я. Гуревич

ПОЗИЦИЯ ВНЕАХОДИМОСТИ 122

М. Эмар

“АННАЛЫ” – XXI ВЕК 131

Ж.-И. Гренье

РАЗМЫШЛЕНИЯ О “КРИТИЧЕСКОМ ПОВОРОТЕ” 138

ИСТОРИК И ИЗОБРАЖЕНИЕ

Ж. Баше

СРЕДНЕВЕКОВЫЕ ИЗОБРАЖЕНИЯ И СОЦИАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ: НОВЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ ИКОНОГРАФИИ 152

К. Гинзбург

“ТЫ НУЖЕН СВОЕЙ СТРАНЕ”: ИССЛЕДОВАНИЕ ИЗ ОБЛАСТИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИКОНОГРАФИИ 191

СРАВНИТЕЛЬНАЯ ИСТОРИЯ

И.М. Супоницкая

КОЛОНИЗАЦИЯ ЗЕМЕЛЬ: СИБИРЬ И АМЕРИКАНСКИЙ ЗАПАД (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX в.) 219

ИСТОРИК И ВРЕМЯ

Б.С. Каганович

НАДЕЖДА ОСЕЕВНА ЩУПАК. ЖИЗНЬ И СУДЬБА 241

ЛИЧНОСТЬ И ИСТОРИЯ

Ю.П. Соловьев

РЫЦАРСТВО И ЮРОДСТВО. К ПОЭТИКЕ ОБРАЗА ИМПЕРАТОРА ПАВЛА ПЕРВОГО 262

НОВАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ

М.М. Кром

К ПОНИМАНИЮ МОСКОВСКОЙ “ПОЛИТИКИ” XVI в.: ДИСКУРС И ПРАКТИКА РОССИЙСКОЙ ПОЗДНЕСРЕДНЕВЕКОВОЙ МОНАРХИИ 283

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ НАРОДНОЙ КУЛЬТУРЫ*О.А. Савельева*

“СВЕТ КОНЧИНЕ МОЕЙ...”: ОБРАЗ РАЯ У СТАРООБРЯДЦЕВ 304

А.А. Панченко

КУЛЬТ ЛЕНИНА И “СОВЕТСКИЙ ФОЛЬКЛОР” 334

МИКРОИСТОРИЯ*А.Б. Каменский*

ДЕВИАНТНОЕ ПОВЕДЕНИЕ В РУССКОМ ГОРОДЕ XVIII в. 367

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИЧЕСКОГО НАРРАТИВА*Ю.Е. Арнаутова*

CARITAS СВЯТОГО ГЕРАЛЬДА: К ПРОБЛЕМЕ АВТОРСКИХ ИНТЕНЦИЙ В *VITA S. GERALDI* ОДО КЛЮНИЙСКОГО 393

РЕЦЕНЗИИ И РЕФЕРАТЫ

Die Methodik der Bildinterpretation. Les méthodes de l'interprétation des images / Éd. J.-C. Schmitt, A. von Hülsen-Esch. Göttingen, 2002 (*И.Г. Галкова и С.И. Лучицкая*) 428

Лавров А.С. Колдовство и религия в России. 1700–1740 гг. М., 2000
Смилянская Е.Б. Волшебники. Богохульники. Еретики. Народная религиозность и “духовные преступления” в России XVIII в. М., 2003 (*О.Е. Кошелева*) 443

НАШИ ЮБИЛЯРЫ 456

MEA CULPA 457

SUMMARIES 459

CONTENTS

FESTIVAL: TIME AND SPACE

<i>G.V. Bondarenko</i>	
INTRODUCTION: THE TIME OF FESTIVAL	5
<i>G.V. Bondarenko</i>	
ON SOME PECULIARITIES OF THE FESTIVITY IN EARLY IRISH TRADITION	8
<i>M.Yu. Reutin</i>	
SOME DELIBERATIONS ON THE CARNIVAL'S 'CHRONOTOPE'	23
<i>D.E. Kharitonovich</i>	
JOY AND VIOLENCE	38
<i>Z.A. Chekantseva</i>	
FESTIVAL AND RIOT IN FRANCE BETWEEN THE FRONDE AND THE REVOLUTION	49
<i>L.A. Pimenova</i>	
THE SPACE AND THE TIME OF THE LATE <i>ANCIEN RÉGIME</i> FRENCH ROYAL FESTIVAL	68
<i>V.Ya. Petrukhin</i>	
'FESTIVAL' IN THE MEDIEVAL RUSS'. TOWARDS THE PROBLEM OF ITS HISTORICAL PECULIARITIES	81
<i>L.A. Trakhtenberg</i>	
ALL-MAD, ALL-JESTING, ALL-DRUNKEN ASSEMBLY	89
<i>O.S. Voskoboynikov, G.V. Bondarenko</i>	
CONCLUSION	119

ANNALES' 75TH ANNIVERSARY

<i>A.Ya. Gurevich</i>	
POSITION OF OUTSIDENESS	122
<i>M. Aymard</i>	
THE ANNALES IN THE 21 ST CENTURY	131
<i>J.-Y. Grenier</i>	
THE DELIBERATIONS ON THE 'CRITICAL TURN'	138

HISTORIANS AND IMAGES*J. Baschet*

MEDIEVAL IMAGES AND SOCIAL HISTORY: NEW POSSIBILITIES OF ICONOGRAPHY	152
--	-----

C. Ginzburg

“YOUR COUNTRY NEEDS YOU”: A CASE-STUDY IN POLITICAL ICONOGRAPHY	191
---	-----

COMPARATIVE HISTORY*I.M. Suponitskaya*

RUSSIA AND AMERICA: EXPERIENCE OF COLONIZATION (THE SECOND HALF OF THE 19 TH CENTURY)	219
--	-----

THE HISTORIAN AND THE TIME*B.S. Kaganovich*

NADEZHDA OSEEVNA STCHOUPAK. LIFE AND DESTINY	241
--	-----

INDIVIDUAL AND HISTORY*Yu.P. Solovjev*

CHIVALRY AND FOOLISHNESS FOR CHRIST'S SAKE. ON THE POETICS OF THE IMAGE OF EMPEROR PAUL I	262
---	-----

NEW POLITICAL HISTORY*M.M. Krom*

UNDERSTANDING MUSCOVITE ‘POLITICS’ OF THE 16 TH CENTURY: DISCOURSE AND PRACTICE OF RUSSIAN LATE MEDIEVAL MONARCHY	283
--	-----

THE ISSUES OF HISTORY OF POPULAR CULTURE*O.A. Savelieva*

“THE LIGHT FOR MY DECEASE...”: OLD-BELIEVERS’ PARADISE IMAGERY	304
--	-----

A.A. Panchenko

LENIN'S CULT AND THE ‘SOVIET FOLKLORE’	334
--	-----

MICROHISTORY

A.B. Kamensky

DEVIANT BEHAVIOUR IN THE 18TH CENTURY RUSSIAN TOWN 367

PROBLEMS OF HISTORICAL NARRATIVE

Yu.Ye. Arnautova

ST. GERALD'S *CARITAS*: ON THE PROBLEM OF AUTHOR'S INTENTIONS IN *VITA S. GERALDI* BY ODO OF CLUNY 393

BOOK REVIEWS

Die Methodik der Bildinterpretation. Les méthodes de l'interprétation des images / Éd. J.-C. Schmitt, A. von Hülsen-Esch. Göttingen, 2002 (*J.G. Galkova, S.I. Luchitskaya*) 428

A.S. Lavrov. Witchcraft and Religion in Russia. 1700–1740. Moscow, 2000;
Ye.B. Smilianskaya. Magicians. Blasphemers. Heretics. Popular Religious Ideas and “Spiritual Crimes” in the 18th Russia. Moscow, 2003 (*O.Ye. Kosheleva*) 443

ANNIVERSARIES 456

MEA CULPA 457

SUMMARIES 459

Ю.П. Соловьев

РЫЦАРСТВО И ЮРОДСТВО. К ПОЭТИКЕ ОБРАЗА ИМПЕРАТОРА ПАВЛА ПЕРВОГО

Интерес к личности и эпохе императора Павла I в новейшей отечественной историографии возродился, на наш взгляд, с выходом книги Н.Я. Эйдельмана “Грань веков” (1982 г.). Значение этой монографии переросло рамки научного труда – фрагменты ее даже экранизировали в 1980-е...

Ценность работы Н.Я. Эйдельмана в том, что он впервые, пожалуй, тщательно проанализировал мемуарные источники, связанные с Павлом I (чего стоит хотя бы блестящий разбор сведений о царском убийстве 11 марта 1801 г.); показал “нашего романтического императора” как объект размышлений нескольких поколений – и перевел разговор в область истории культуры и исторической психологии (здесь особенно замечательна глава III “Грани веков”). На рыцарство Павла Первого, как на манеру поведения, “исторический жизненный идеал”, а не курьез, обратил внимание впервые тот же Н.Я. Эйдельман.

Впрочем, стоит отметить важнейший аспект личности русского царя, оставшийся “за гранью” “Грани веков” – это религиозность Павла Петровича. Тому, конечно, есть свое объяснение: прежде всего особенности советского режима, не приветствовавшего такие сюжеты. Тем не менее религиозный опыт императора Павла чрезвычайно интересен – особенно потому, что с начала XX в. и вплоть до 1917 г. собирались материалы для канонизации царя Русской Православной церковью¹. Более того, современные церковные власти не отказываются возобновить этот процесс, а представители “истинно-православных христиан” (Русская православная соборная церковь) уже объявили о свершившейся канонизации².

Между тем порожденное книгой Н.Я. Эйдельмана внимание к Павлу I выразилось в 90-е годы XX в. во множестве перепечаток и революционных исследований (Н.К. Шильдера, Д.Ф. Кобеко, К. Валишевского и др.), в издании современных биографий императора прежде всего книги А.М. Пескова “Павел I” (М., 1999)⁴.

Очень плохой реконструкция культурного контекста, в котором существовала личность Павла Петровича, мотивов его поведения, политических, административных, даже архитектурных мероприятий остается увлекательной и достаточно актуальной темой, вдохновляющей историков, искусствоведов, филологов... Здесь стоит упомянуть статью М.М. Сафонова “Суворов и оппозиция Павлу I” (Вопросы истории. 1993. № 4. С. 127–134), предлагающую вполне убедительный перечень обстоятельств, объясняющих строгость Павла I в офицерской среде. Крайне также любопытны павловские страницы биографии А.Р. Андреева, В.А. Захарова и И.А. Настенко “История Мальтийского ордена” (М., 1999). Более всего потрудились на этом поприще петербургские ученые, авторы сборника “Император Павел Первый и Орден Св. Иоанна Иерусалимского в России” (СПб., 1995), а также исследователи, сгруппировавшиеся вокруг музея Михайловский замок”.

В этом последнем случае мы наблюдаем замечательный процесс, когда реставрация таинственной резиденции Павла Петровича сопровождается чредой самых разнообразных трудов, посвященных эстетическим и интеллектуальным привязанностям монарха к масонству, например, статью О. Неверова «Михайловский замок – пластическая аллегория судьбы “русского Гамлета”»⁵). Ближе всего к теме нашей статьи стоит работа Л.В. Хайкиной (представитель того же коллектива Михайловского замка) “Михайловский замок и некоторые аспекты религиозно-философских воззрений Павла I” (Отечественная история. 2000, № 2. С. 164–170). Правда, мы не можем согласиться с основным мотивом указанной статьи: главный источник павловской идеологии автор видит в масонском учении. Дело даже не в том, что членство Павла Петровича в масонской ложе всегда считалось легендарным артефактом. Нет смысла такие общехристианские образы, которые исследователь вполне справедливо выделяет как важнейшие для самосознания Павла – например, царя-священника Мелхиседека или Небесный Иерусалим (по плану которого построены все православные монастыри) – связывать именно с масонством на том лишь основании, что “вольные каменщики” преподносили цесаревичу духовную литературу в своем издании. Это ничего не определяет: достаточно вспомнить св. Тихона Задонского, в те же примерно времена любившего “почитывать” книгу И. Арндта “Об истинном христианстве”, изданную масоном П.Н. Новиковым и присутствовавшую в личной библиотеке Павла I⁶. Более того, святитель главную свою книгу назвал точно так же. Даже масонские портреты Павла I, опубликованные в начале XX в. Т. Соколовской⁷ ничего не решают – в ритуальном саду известного русского масона И.В. Лопухина стояли памятники православным иерархам: все тому же св. Тихону (его книги, к слову, издавал

Н.И. Новиков) и св. Арсению Мацеевичу – и уж, конечно, ни у кого не возникало и не возникает соблазна связать этих подвижников с масонским движением.

Дело здесь скорее всего в том, что XVIII век в России был крайне не скуден на издания аскетической литературы, санкционированные Святейшим Синодом. Причина – предубеждение властей против инонашествия и “просвещенческие” настроения. У вольных же типографов, вроде Н.И. Новикова, до определенного времени не было никаких сдерживающих факторов, как у синодалов. Отсюда и востребованность “масонских” изданий – в числе которых, к слову, было множество творений Отцов церкви и современных Павлу православных богословов⁸.

Но вернемся к нашей теме. В настоящей статье мы ставим перед собой задачу показать несколько определяющих начал в личности императора Павла, связанных прежде всего с христианскими корнями европейской цивилизации.

I

О том, что рыцарство было важной и нешуточной чертой характера императора Павла I, свидетельствуют многие мемуаристы – и они одни. Н.А. Саблуков: “Как доказательство его рыцарских, дошедших даже до крайности воззрений может служить то, что он совершенно серьезно предложил Бонапарту дуэль в Гамбурге с целью положить этим поединком предел разорительным войнам, опустошавшим Европу”⁹. “Я находил... – вспоминал И.И. Дмитриев, – в поступках его что-то рыцарское, откровенное...”¹⁰ “Русский Дон Кихот” – так называл его Наполеон¹¹, который и сам себя иной раз сравнивал с этим героем, и вновь – Саблуков¹². Павел Петрович осознавал и даже декларировал свое донкихотство. Когда в 1765 г. мать подарила ему Каменноостровский дворец, цесаревич приказал развесить по стенам так называемой “Малиновой гостиной” (позже эта гостиная “переехала” в Гатчинский дворец) гобелены, изображавшие сцены из романа Сервантеса. Серия “Дон Кихоты”, выполненная в 1776 г. на Парижской королевской мануфактуре, была подарком Павлу от Людовика XVI и Марии Антуанетты...¹³

Наполеон учитывал рыцарство русского царя в своей внешней политике (как и английский посол в России Уитворт, вдохновитель царевубийства 11 марта): “Он (Наполеон. – Ю.С.) дал знать императору Павлу, с которым Франция официально была в войне, что желает вернуть в Россию немедленно всех русских пленных, оставшихся после разгрома корпуса Корсакова осенью 1799 г. И притом он требовал даже обмена пленными... Уже это привело Павла в восхищение, и он для окончания дела о пленных отправил в Париж генерала

Сверенгпортена”¹⁴. Наполеон не просто вернул на родину русских солдат, числом около 6 тыс. человек, но распорядился изготовить для них новую форму и амуницию согласно русским уставам, вернуть оружие. В послании по этому поводу “Бонапарт... выразил такое горячее чувство симпатии и уважения к Павлу Петровичу, воспеывая благородство и величие души, которые, по его мнению, составляют русского царя”¹⁵. Со стороны Наполеона это не было всеобщим жестом предпологаемому союзнику... Союз Павла и Наполеона придворные корсиканца называли: “раздел мира между Дон-Кихотом и Цезарем”¹⁶. Несколько иначе, но более обоснованно высказался в 20-е годы XX в. Мережковский: «“Мы можем понять друг друга” – пишет император Павел I Бонапарту Консулу. Могут друг друга понять, потому что оба – “романтики”, “рыцари” и, как это ни странно сказать, “Дон-Кихоты”...»¹⁷

Интересно то, каким образом (помимо естественной предрасположенности) было воспитано в Павле рыцарство и что представляло собой этот феномен как тип поведения – особенно в русских условиях и в русских же глазах. Отмечая в своих записках образованность императора, Саблуков особо говорит: “Павел Петрович был одним из лучших наездников своего времени и с раннего возраста занимался на каруселях”¹⁸. Карусели – это проходившие главным образом в Петербурге и Царском Селе рыцарские турниры. Они были введены в России 18 июля 1766 г. (Павлу тогда было 12 лет), хотя в Европе – вплоть до Польши – традиция турниров не пресекалась со времен Средневековья. Екатерина II таким образом воскресила и отчасти пародировала – обычаи своей первой родины. Однако сложнейший ритуал, настоящие поединки латников, являвшиеся время от времени “неизвестные кавалеры”, особым образом, вскрывая имени и лица, подтверждавшие свое благородное происхождение, геральдические и генеалогические тонкости, наконец, целые арсеналы средневековых доспехов (чему свидетельством дошедший до нас Рыцарский зал Эрмитажа), – все это представляло собой особый мир, словно бы существовавший помимо “духа времени”, пропитанный культом старины и благородства¹⁹. Атмосфера “каруселей” несомненно повлияла решающим образом на характер цесаревича Павла, как повлияла она позднее, и весьма значительно, на личность и образ жизни его куда менее впечатлительного сына, последнего царя Европы”, государя Николая Павловича. Что говорить, если костюмы, должности и декорации в рыцарском духе были в XIX в. уже неотъемлемой чертой коронационных и погребальных процессов русских государей?...²⁰

Впрочем, еще до начала турниров-каруселей в России воспитанник цесаревича С.А. Порошин записал 16 декабря 1765 г.: “Ныне также обращается в мыслях какой-то corps de chevalerie”. Ранее же,

28 февраля 1765 г.: “Читал я... Великому Князю Вертозову историю об ордене Мальтийских кавалеров. Изволил он потом забавлять себя, привязав к кавалерии свой флаг адмиральский, представляя себя кавалером мальтийским”. Наконец, 14 марта вновь: “Представил себя послом Мальтийским и говорил перед маленьким князем Курукинским реч”²¹. Эти моменты нельзя считать случайностью – это только лишь частной особенностью характера – если турниры были повсеместно довольно популярной придворной забавой, в которую вовлекались многие люди, то и рыцарские заведения в более широком смысле Европа не позабыла еще во второй половине XVIII столетия, сколь много сил не прилагали деятели “просвещения” для изменения и выталкивания из жизни этих обычаев.

Рыцарство – это прежде всего *исторический жизненный идеал*, как определил его голландский историк Йохан Хейзинга. И если в XV в. рыцарство – “форма жизни сильного и реально существовавшего сословия”²², то позже в Европе “все высшие формы бюргерской жизни нового времени фактически основываются на подражании стилю жизни средневекового дворянства”²³. Значит, такое поведение Павла Петровича вовсе не было анахронизмом – и даже “словным комплексом”.

Припомним едва ли не “врожденный” милитаризм русского императора – с тем чтобы оспорить скептицизм недружелюбных современников. И во времена Павла Первого, и позднее для характеристик военного служения применялось немало понятий из рыцарского лексикона, которые далеко не всегда считались метафорами. Граф Жозеф де Местр в начале XIX в. писал: “Военный человек полнен благородства настолько, что способен облагородить даже то, что по общему мнению представляется самым подлым...”²⁴ Может быть, и “капральство” Павла Петровича тоже?..

Русский император не был единственным носителем рыцарского идеала в политике: в разные времена почитали за рыцарей и Генриха IV Бурбона, и шведского Карла XII, рыцарем считал себя современник Павла Карл Зюдерманландский (шведский король Карл XIII). Наконец, есть прекрасный памятник, символизирующий триумф рыцарства в политике, – картина Г. Оливера “Священный союз” (1815), на которой это политическое объединение изображено в образе клятвенного рукопожатия трех государей, русского, австрийского и прусского, облаченных в рыцарские доспехи и орденовые мантии (Александр I – в мантии русского ордена Св. Георгия) и стоящих в готическом интерьере. Но мало того, что в декларациях “Священного союза” очевидна павловская “рыцарская мысль восстановления потрясенных тронов”²⁵, – при обсуждении этого союза на Венском конгрессе Александр I хотел вызвать, вполне в отцовском духе, на поединок из-за Польши и Саксонии князя Меттерниха²⁶.

За три столетия до заключения “Священного союза” было непонятным, когда “рыцарский идеал постоянно оказывал влияние на политические, и на общественные отношения и события. Каждый год, кто считает необходимым доискиваться экономических причин каждой войны эпохи средневековья, вынужден будет убедиться, что в методах ведения военных действий и в их результатах всякий раз ощутимо сказывается влияние рыцарского идеала”²⁷. В XVIII в. такое понимание войны оставалось в качестве воинской традиции, ей следовал, например, Наполеон – впрочем, сожаления о упадке рыцарства встречаются в размышлениях некоторых военных и о Первой, и о Второй мировых войнах, а это уже XX век...²⁸

Помимо воинских традиций из современных Павлу областей жизни, в которых таился рыцарский дух, необходимо также вспомнить один аспект масонского ритуала, с которым Павел Петрович был, вероятно, знаком и который мог расположить к себе тогда еще наследника русского трона... А.Н. Пыпин так обозначил мотив (один из многих, но немаловажный) обращения нашего дворянства во второй половине XVIII в. в масонство: «Большинство “членов” ордена было из людей по своим понятиям или по складу ума склонных к чудесному (...) ...наши масоны, как известно по историческим свидетельствам, употребляли всевозможные усилия, тратили огромные деньги на то, чтобы собрать все существующие степени (...) ... Для людей светского образования и высшего света высшие степени были привлекательны и своей внешней формой. Мы сказали уже, что почти все они были *рыцарские* по связи с тамплиерством, крестовыми походами и т.п. Разноцветные ленты, ордена, символы... торжественные обряды с рыцарским характером, громкие титулы, переименованные в латинские псевдонимы, – все это... было любовательно, льстило самолюбию и аристократическим притязаниям”²⁹ (топикоминало игры маленького Павла, добавим мы). Итак, все эти факты рыцарских настроений в Европе и среди русской аристократии снова показывают, что здесь для XVIII в. нет ничего патологического, этим увлекались многие – но совсем немногие шли дальше, понимая и принимая духовный аспект рыцарства.

И. Хейзинга в числе именно духовных характеристик рыцарства отмечал черту весьма соответствующую как личности, так и правлению Павла Петровича – потребность в возрождении священных порядков старины: “Даже в XII веке, когда рыцарство еще только начало раскрываться как особая, хорошо разработанная форма жизни, оно уже имело оттенок возрождения, сознательного воскрешения романтического прошлого”³⁰. Это значит, что помимо исторических обстоятельств (французская революция и увлечение идеями, ее породившими, в дворянской среде), сам тип поведения, выбранный русским государем, диктовал ему необходимость реставра-

ционной политики – как в России (по отношению к царскому двору, сословиям и т.п.), так и в Европе (восстановление тронов). Отдельно последнего не лишним будет заметить, что среди многочисленных пророчеств, произнесенных в послереволюционной Франции, особое место занимали такие: “...появится Великий Монарх”, предрекал аббат Суффрант, – которого восстановят на престоле Святой Понтифик и обратившийся к Богу Северный Князь” (между прочим, в 1782 г. цесаревич Павел Петрович путешествовал по Европе под именем *графа Северного*). Мадам де Мейлиан, видная визионерша, взволнованная враждебностью общества к католической церкви, видела в грядущем Великом монархе “воина и даже наместника Самого Христа, странствующего рыцаря”, который “возглавит крестовый поход во имя восстановления полноты Христианства”³² (вспомним здесь павловский проект Мальтийского ордена). Как видно, существовала группа европейцев, чьим ожиданием чрезвычайно соответствовала та черта духовного облика императора Павла, о которой мы говорим.

“Честь, этикет, теократическая идея, стиль”³³ – таковы отмеченные Н.Я. Эйдельманом особенности рыцарских порядков при Павле I. Этого, конечно, недостаточно. Средневековый идеал приводит человека прежде всего к небесному прототипу. Для И. Хейзинги очень важно, что “жизнь рыцаря есть подражание. Рыцарями Круглого Стола или античным героям...”³⁴ Черта эта безусловно присутствовала и в Павле Петровиче – достаточно вспомнить его претензии на миссию царя-священника, в которой узнаваем ветхозаветный образ Мелхиседека – вполне возможный пример для подражания (а ведь близко к этому и подражание Христу³⁵). Не упоминает ли причащение Павла Петровича при коронации из Чашки средневековых королей-хранителей Грааля, еще один общерыцарский образец?..

Но Павел Первый находил кроме того исторические для себя примеры. Н.И. Греч писал: “Павел обожал Генриха IV и старался подражать ему... Фаворитизм Кутайсова... имел пример в брадоброде Людовика XI”³⁶. Идеальным человеком и монархом был, конечно же, и Петр Великий – этому подражанию учили Павла Петровича в детстве. Показательно здесь предисловие митрополита Плахова (Левшина) к лекциям о Православном учении, читанным в свое время цесаревичу Павлу: “Памятно мне... оное Вашего Высочества слово, которое Вы произнесли при чтении евангельских слов: *не начинайте глаголати в себе: отца имама Авраама* и (как) изволили сказать: так, де, я напрасно бы хвалился, что от Великого Петра произошел, ежели бы не хотел подражать делам его”³⁷. Прекрасный памятник этому подражанию – установленная по велению Павла конная скульптура Петра работы Растрелли (перед фасадом Михайлов

... (в Петербурге) и надпись не ее пьедестале – “Прадеду Павлу” Но прежде всего – непрестанный труд в петровском духе в царстве, реформы государственного управления, армии, законодательства, одежды, возобновление Адмиралтейства... В.О. Ключевский не без иронии, но показательно назвал Павла Петровича “петровский Петр Великий”³⁸.

Еще об одном образце вспоминал Саблуков: “Павел подражал Фридриху (II Прусскому) в одежде, в походке, в посадке на лошади. В Париже, в Лондоне, в Вене, в Мадриде, в Сан-Суси, Берлин преследовали его подобно кошмару. Счастливо Павла и для России, он не заразился бездушною философскою монархией с его упорным безбожием. Этого Павел не мог простить...”³⁹ Заметим – подражание Фридриху не было, опять-таки, типичной странностью Павла, доставшейся ему от родителей. Екатерина II была не меньшей поклонницей прусского короля, чем Фридрих II. Более того, воспитатель Павла, граф Н.И. Панин, тоже был поклонником Фридриха, как и другой “екатерининский орел”, Александр Сергеевич Пушкин, чье первое серьезное поэтическое произведение, “Полтавские оды” – не что иное, как переложение фридриховых (прусских) И Фридриха, и другой павловский идеал, Генрих IV, предпринимались в образцы Вольтером. Культ Генриха IV “был свойственен антикатолической публицистике 1789–1790 годов. В пьесах, стихах, трагедиях Генриху IV придавались черты демократического короля”⁴⁰ Но и Фридриха, и Генриха Павел понимал иначе, нежели большинство его современников. Он учился у них самодержавию, оставив Фридриху его безбожие, а Генриху – его демократическую репутацию. Интересно, что из записок министра Генриха IV, герцога де Шуазелли, предложенных Павлу матерью – вполне возможно, что для воспитания рекомендованного Вольтером культа, – цесаревич делал внешне как раз в духе своего будущего царствования: “У подданных только одно средство: Царя укрощать покорностью, Бога – удовлетворять молитвою. Все будто бы справедливые причины сопротивляться Царям, в сущности – если их пристально порассмотреть – не что иное, как предлоги измены, тонко закрашенные; эти же путями никогда не исправляли Царей...”⁴¹ Или в духе знаменитой павловской “мелочности”: “Часто суцая безделица, ничтожность, производят действия, обыкновенно приписываемые иным, важнѣйшим причинам...”⁴² Но не один Павел в те времена оспаривал (цесаревич – приватно) демократический облик Генриха IV – публично это делал, скажем, Эдмунд Берк, замечавший с удовлетворением, что французский король “никогда не искал любви, не добиившись перва такого положения, когда его могли бояться”⁴³. В отрицательном смысле нечто похожее изрекали якобинцы⁴⁴...

Еще одна особенность, выделенная Й. Хейзингой: “В рыцарском идеале ... стремление к добродетели преобладает над стремле-

нием к счастью. Рыцарское призвание всегда альтруистично: защита притесняемых, верность сюзерену, прославление Христа... Павла”⁴⁵. Что ж, стремление к добродетели у Павла Петровича – пророческое, впрочем, чаще стремление к счастью, т.е. согласию с “миром жателем тьмы века сего”, духом времени, влиятельными людьми воплотившими в себе этот дух, – не подлежит сомнению. Тому множество примеров, но вернее всего слова самого Павла. “Я предпочитаю быть ненавидимым за правое дело, – писал он в 1776 г., – чем любимым за дело неправое”⁴⁶.

Следующее слагаемое рыцарства (по Й. Хейзинге) – “прославление Христианства” в случае Павла, конечно, не подлежит сомнению – ведь к 1917 г. готовилась канонизация Павла. О “защите притесняемых” также ничто не скажет лучше слов молитвы о Павле бытовавшей в русской эмиграции “первой волны”: “Призри, Господи, на верного Твоего молитвенника за сирых, убогих и обездоленных, Императора Павла...”⁴⁷

“Верность сюзерену” – та черта рыцарского идеала, которую император Павел особенно хотел воспитать в своих подданных, стирая сословных различий. Так, он (как некогда Петр Великий) привел к присяге крепостных крестьян.

Й. Хейзинга следующим образом определял рыцарскую верность: “...одна из добродетелей действительно зародилась в сфере аристократической и агональной жизни воинства... ранней эпохи – именно верность. Верность есть преданность какому-то лицу, делу или идее, безусловная преданность, исключая всякие дискуссии о ее причинах и не допускающая сомнений в ее постоянной обязательности”⁴⁸.

Сам Павел Петрович был образцом в этой добродетели, являл верность Богу, божественному мироустройству и самодержавию даже до смерти. И требовал того же от подданных, строго взыскивая за малейшее ослушание (а ведь были часты серьезные проступки и прямое издевательство над царем и его указами) или дискуссии с приказом, как в случае с митрополитом Платоном, воспротивившимся награждению духовенства царскими орденами... Следует отметить и неизменную верность Павла данному слову.

Показательно, что добродетель, “зародившаяся в аристократической сфере”, была этой сферой забыта в пору царевубийства 11 марта – и лишь человек простого звания до конца исполнил тогда подвиг верности. Об этом вспомнил Н.И. Греч в своей беседе с удавшимся царевубийцей К.Ф. Рылеевым: «Что же касается до заговора, какой был против Павла, во-первых, участники его – князь, графы, адъютанты – не оказали бы нам, прочим смертным, великой чести участвовать в их подвиге, а во-вторых, я гораздо скорее желал бы быть на месте камер-гусара Саблина, которому заговорщики и

...голове, когда он закричал Павлу: “Государь! Спасайся!” Не-
...и, как Платон Зубов, шататься по свету, подобно Каину, с клей-
...и на лбу: цареубийца!»⁴⁹ Любопытно, что предки Греча пригла-
...и были в Россию, дабы обучать шляхетской (рыцарской) прему-
...и русских дворян – оттого и почувствовал отчетливо этот не-
...и неусвоенную добродетель в одном случае и врожденное благо-
...ство – в другом.

Заметим, что не лучше родовитых и титулованных подданных
...носились к Павлу государи Европы, начиная с Екатерины II. Рус-
...ие (царские то есть) войска, посланные в 1799 г. восстановить по-
...рожденные революцией европейские троны, были хозяевами этих
...и тронов преданы – а значит и царь тоже. Мы не говорим об англий-
...ом следе в цареубийстве... “Благодарность – добродетель, не-
...и собственная царедворцу”⁵⁰, – выписал когда-то у Сюлли Павел
...и Петрович. Похоже могли высказаться, быть может, Дон-Кихот да
...и Наполеон...

И еще один момент нельзя обойти, коль речь идет о рыцарстве.
...и момент этот – куртуазность, коей Павел не был чужд. Безусловно,
...и дело не в низменных любовных интрижках и не в возвышенной
...и женственности”. Смысл куртуазности великолепно передал
...и своих “Петербуржских вечерах” граф Ж. Де Местр (важно, что со-
...и современник Павла). Если вспомним “склонность к чудесному”, обо-
...и значенную А.Н. Пыпиным у искавших рыцарского посвящения в
...и обществе, то Де Местр объяснил: “Те, кто жаждет чудес, в силах
...и говорить их каждый день уже сейчас, ибо истинные чудеса есть доб-
...и рые дела, совершаемые наперекор нашему характеру и страстям. И
...и потому молодой человек, обуздывающий свои желания и взоры в
...и присутствии красавицы, есть чудотворец более великий, чем сам
...и Моисей, – и какой же священник не рекомендовал бы верующим по-
...и добного рода чудеса?”⁵¹ Таким образом, куртуазность в идеале – не-
...и ккая аскеза, преобразующая плотские стремления в духовную добро-
...и детель, это путь победы над “естественным человеком” Руссо и де
...и Лада. Вот что позволяет объяснить отношения Павла Петровича с
...и женщинами. Английский посол Дж. Гаррис писал в 1778 г.: “Внут-
...и ренность Петербургского двора... представляет собой зрелище ин-
...и триг, происков и испорченности. Великий князь Павел Петрович и
...и его супруга составляют единственное исключение: они живут в ве-
...и щайшем согласии между собою...”⁵²

Павлу случалось обнажать шпагу за честь, например, умершей
...и первой жены, как произошло в 1782 г. в Неаполе по отношению к
...и графу Андрею Разумовскому⁵³. Об отношениях государя с прибли-
...и женными дамами ходило немало слухов, но вот Ю.М. Лотман в
...и 1987 г. подвел им такой итог: княгиню Анну Петровну Лопухину
...и (Гагарину) Павел “сделал... объектом, видимо, платонического ры-

царского культа”⁵⁴. “С Нелидовой его связывала лишь платоническая дружба. В этом едва ли может быть сомнение”, пишет автор предисловия к сборнику “Цареубийство 11 марта 1801 года”⁵⁵. В тот же день, когда 28 января 1798 г. императрица Мария Федоровна рассталась от бремени великим князем Михаилом Павловичем, доктор объявил, “что дальнейшее продолжение супружеских отношений грозит жизни Императрицы. С этого момента времени Павел Петрович уже спал в особливом покое”. В последние годы жизни он вообще “пребывал на положении верного своим обетам монаха”.

Замечание о “монашестве” позволяет нам перейти к следующему моменту в рыцарстве и отыскать этому идеалу своеобразную параллель в опыте Православной Церкви, впрямую относящуюся к личности – и особенно к суждениям современников о личности – императора Павла.

II

Й. Хейзинга писал: “Повсюду, где рыцарский идеал исповедовали в наиболее чистом виде, особое ударение делали на аскетическом элементе. В период расцвета он естественно, и даже по необходимости соединялся с идеалом монашества – в духовных рыцарских орденах...”⁵⁷ Это подтверждают и слова бургундского придворного историографа и поэта Жоржа Шателлена (1404–1475): “Христиане почитали честь как свет веры и чаяли награды на небесах”⁵⁸. Правильная форма жизни, из которой развилось рыцарство, относится к религиозным обрядам примитивной, дохристианской культуры⁵⁹. Одним из основных черт этих обрядов, их своеобразная сердцевина – *воинская неистовство*. Оно многократно описано как в языческом эпосе – в “Фарсалии” Лукана, древнеирландских преданиях о Кухулине, в скандинавских сагах (одержимые – берсерки), – так и в христианских рыцарских романах – например, рассказ о безумии Тристана или “Неистовый Роланд” Ариосто. Сюда же в какой-то мере можно причислить и Дон-Кихота.

В “темные века” (IV–VII вв. н.э.) для германской воинской культуры был важен термин *wut*, связанный с готским *woths* – “обуянный, бешенный”. От него произошло имя языческого божества *Вотан*. Скандинавский вариант этого имени, *Один*, восходит к слову *óðhr*, т.е. “неистовство, ярость”. “Итак, священное, божественное неистовство. Кто пал его жертвой, тот одержим богом”, – пишет современный исследователь этой традиции Ф. Кардини⁶⁰. Перенесенное на христианскую почву, “неистовство” преобразуется в некое возвышенное качество, о котором сказано у св. апостола Павла “Аще кто мнится мудр быти в вас, в веще сем буй да бывает, яко да премудр будет” (1 Кор. 3:18). Итак, христиане-аскеты по образцу

исконное значение слова “аскеза” – военная подготовка⁶¹) стремились стяжать неистовство, буйство во Христе. Христианские же рыцари, как видно из слов Шателлена, – тем более. Один пример – начало повести об убиении благоверного князя Андрея Боголюбского, относящейся ко времени “рыцарственной” Руси XII в. и звучащей пророчески для судьбы императора Павла, сказано: “Сыи блаженныи и христолубивыи князь Аньдреи от млады верьсты Христу возлюбив и Пречистую Его Матерь, *смысл бо оставив...*”⁶²

Вспомним теперь слова Хейзинги о рыцарском подражательстве добродетели верности – безусловной, несомненной, “исключительной дискуссии”. Вот те же добродетели, но внесенные в древний византийский устав преподобным Иоанном Кассианом Римлянином: *“Уреди оратства будь как глухой, немой, слепой и буий”*; “будь и ты как глухой, немой, слепой, чтобы кроме того, кто по достоинству избран и избран тобою для подражания, ты ни на кого не смотрел”; “не сравнивай и не обсуждай ничего из того, что тебе будет приказано, но со всею простотою и верою всегда изъявляй послушание, то же высоко почитая святым, спасительным, мудрым, что указывает тебе своим Божий или опытность старца”⁶³. Наиболее полно эти добродетели осуществляются в миру, согласно опыту православной церкви, в подвиге Христа ради юродивых.

Юродивый деятельнейшим образом, всем своим поведением являет человека, *обуянного Христом*. Пример юродивого для благочестивых современников учителей, прежде всего, как образ жизни и слово “образ” здесь, как и в случае с царем, можно, видимо, понимать в значении “икона”). Прекрасно определил этот образ жизни священник И. Ковалевский: “Путь юродства чрезвычайно трудный и опасный путь. Как, подражая иногда безрассудству людей самых опасных, сохранять дух всегда возвышенный, стремящийся к Богу, – постоянно ругаясь миру, обнимать однако же всех совершенную любовью?! Наконец, как удержать себя от духовной гордости тому, кто, перенося столько оскорблений и лишений, сознает, что все это терпит он невинно и что он совсем не таков, каким его считают многие (очень схоже это с положением Павла при материнском дворе, в отношении к цесаревичу екатерининских любимцев. – Ю.С.). Это произвольное, постоянное мученичество, это постоянная борьба против себя, против мира и дьявола и притом борьба – самая трудная и жестокая”. Наконец, священник И. Ковалевский произносит главное слово, без которого не обойтись – и которое показывает, чем в идеале должно стать рыцарское поведение, перенесенное на православную почву: “*Это крестоносцы по преимуществу*, так как по доброй воле, по собственному избранию (в Павле это и Богоизбранность. – Ю.С.), единственно из любви к Богу и ближним, несли самый трудный и тяжелый крест”⁶⁴.

Итак, *крестоносцы*. В истории русских юродивых можно видеть интереснейшие примеры этого, далеко не случайного, явления. Памятуя об описании духовного вооружения св. апостола Павлом: “Над всеми же восприимше щит веры, в немже вооблачены стрелы лукавого разжженныя угасити; И шлем спасения восприимите, и меч духовный, иже есть глагол Божий” (Еф. 6: 16) почему не предположить такого же рода символизма настоящих спехов – а он, вероятно, существовал?⁶⁵ Вот, например, описание “доспеха” св. блаженного Иоанна, Московского чудотворца (Николай Большой Колпак, память 3.07.1589), который “возложил на себя свое кресты с веригами железными и вверху главы колпак великий и тяжкий, у рук своих на перстех кольца и перстни медные и четки деревянные на руках”⁶⁶, – не напоминает ли это рыцарское облачение? Конечно же, подвиг юродства пришел на Русь из Византии и обращают на себя внимание два обстоятельства, характерные для житий некоторых канонизированных русских юродивых. Первое – блаженные часто были людьми благородного происхождения (и это и вообще большинство русских святых), второе, не редкость “латинское” их происхождение, как у св. Прокопия Устюжского, Илариона Ростовского, Иоанна Власатого. И самое интересное – о юродивом второй половины XV в., блаженном Исидоре Ростовском “Пролог” говорит: “Поведают нецый, сей блаженный бяше латинска языка, земли же немецкия, от славна и богата рода бе, якоже глаголют *местерскаго*”⁶⁷, т.е. из рода магистра какого-то немецкого ордена. Значит все это, по-видимому, одно – люди, искренне перешедшие в Православие из католической традиции, знающие интуитивно и в силу происхождения рыцарский идеал, по Божественной интуиции находили в практике Православия то, что было им близко по *духовному обычаю* – т.е. юродство, в основе которого, как мы видели, была похожая на воинскую ревность ко Христу и определенная воинская же символика. Ведь писал же Й. Хейзинга “Истинный рыцарь – это человек, отказавшийся от мира”⁶⁸, т.е. аскет, отшельник, живущий все-таки среди людей. Однако вернемся к императору Павлу Петровичу.

О его аскетизме достаточно свидетельств. Н. Саблуков вспоминал молитвенные труды Павла; рассказывают о его единственном шинели, распорядке дня – царь обычно вставал в 5 часов утра и “после недолгого туалета и молитвы приступал к работе”⁶⁹, спал же в ширмамах, на простой узкой походной кровати, длиною 163 см⁷⁰. На придворных праздниках не задерживался, так как, по словам одного из первых биографов, считал “потерянной каждую минуту, которая не была посвящена общему благу или изощрению своего собственного духа”⁷¹. Любил простоту, а пышность признавал “в одной лишь церемониях, до которых он был большой охотник”⁷².

Многочисленны, правда, вот еще какого рода замечания современников: “император поврежден” (британский посол Уилкинсон); “тирания и безумие” (Н.И. Панин); “правление варвара, тирания, маньяка” (С.Р. Воронцов), существует схожее мнение М.М. Карамзина⁷³. Дошло до того, что в начале XX в. два известных в России психиатра опубликовали каждый по работе, посвященной “безумию” Павла Первого, причем первый подтвердил диагноз, а второй опроверг⁷⁴. Есть и заметка современника, где впервые употреблено интересующее нас слово: “Случалось, ...что в разговоре эспонтоном у офицера, Павел сам проходил вместо него, как бы шутя, выслушывая хладнокровие присутствующих, которые должны были сохранять серьезный вид, глядя на эту смешную фигуру, представляющую с каким-то убеждением и во всей силе ничем не противостояющей воли”⁷⁵.

Но уж коли юродивый, то у поступков его всегда должен быть какой-то смысл. Итак, “юродствуя с эспонтоном”, Государь демонстрировал, очевидно, ироничным “екатерининским орлам” мысль, которую в свое время поколение русское дворянство произнесло устами Н.В. Гоголя: “нужно помнить только то, что ради Христа взята должность, поэтому должна быть выполнена так, как повелел Христос, а не кто другой. Только одним этим средством и может всяк из нас теперь спасти себя”⁷⁶. Вспомним похожие мысли Павла Петровича о том, что истинное мужество состоит в “следовании должностям”, не зная иной награды, кроме чистой совести. Вспомним также и бургундского рыцаря Шателлена, для которого честью был свет веры, а награда – в небесах...

Наглядность, даже афористичность поступков, свойственная юродивым, неизменно побуждающим зрителей к благочестию, присутствует, как видим, и в поведении императора Павла. Это, среди прочего, и ношение далматика (в неподходящем, как казалось, месте), чтобы напомнить о достаточно уже забытом в обществе священном статусе императора, это и случаи, когда прозорливость царя завала себя знать. Или, скажем, такой весьма яркий анекдот, приведенный М.И. Пыляевым в его “Старом Петербурге”: “Павел не ел скоромного по средам и пятницам; в его время посты в обществе редко соблюдались. Император, раз будучи доволен на смотре войсками, наградил их деньгами и, сверх того, велел роздать солдатам и офицерам рыбы. Так как это случилось в Рождественский пост, то многие видели в этой раздаче намек на соблюдение поста...”⁷⁷ Но рыба, как известно, древний символ Христа и, в данном случае, возможно, еще и метафора креста-служения и креста-награды. Одним словом, красноречивый образ – и учительный, достойный старца-подвижника. Но ведь и вторая часть награды – не просто деньги, а павловский рубль-“крестовик”...

Еще один случай: офицер-гвардеец, имевший жену и детей, решил увозом овладеть молодой девушкой. Та не соглашалась ехать без венчания. Тогда товарищ этого офицера по полку переоделся священником и разыграл тайный обряд. Через некоторое время оставленная с прижитым от соблазнителя ребенком женщина, разузнав, что ее мнимый муж имеет законную семью, обратилась с жалобой к государю императору Павлу Петровичу. Император вошел в положение несчастной... – вспоминала Е.П. Иванова, – и положил замечательное решение: похитителя ее разжаловать и сослать, молодую женщину признать имеющей право на фамилию соблазнителя и дочь их законную, а венчавшего офицера постричь в монахи. В резолюции было сказано, что «так как он имеет склонность к духовной жизни, то и послать его в монастырь и постричь в монахи». (...) Раба Божия отвезли куда-то далеко и постригли. Он был вне себя от такой неожиданной развязки своего легкомысленного поступка и жил совсем не монашески, но потом благодать Божия коснулась его сердца, он раскаялся, пришел в себя, и когда... был уже немолод..., вел жизнь самую строгую... и считался опытным и весьма хорошим старцем»⁷⁸.

Случай этот можно было бы считать поучительным – но курьезом. Между тем у византийского богослова XIV в. Николая Кавасилы встречается нечто похожее на историю нашего лже-священника в первые века христианской веры будущий блаженный Порфирий крестился «для шутки в игре». Он «был комедиантом и, занимаясь этим делом, ...дабы возбудить смех, ...представил на зрелище крещение, и крестил самого себя, сойдя на театре в воду и провозгласив Троицу. Одни смеялись, – пишет Кавасила, – коим казалось сие театральным представлением, а для него произошедшее было не смешно, но истинное рождение и воссоздание и то самое, что составляет таинство. Ибо вместо комедианта вышел имея душу мученическую (...) ...и так возжелал Христа, что, претерпев многие мучения, умер с радостью...»⁷⁹

Итак, человек, безусловно исполняющий рыцарские обеты, в первых, в православном обществе и, во-вторых, в обществе уже рациональном и буржуазном, более всего напоминает юридика (в положительном, да и в ироничном значении слова). В Православии именно духовный, даже, если угодно, мистический аспект рыцарства делается весомее всего остального – и тогда человек, принявший на себя такой подвиг, помещает свой ум вне этого мира, превращая самого себя в символ мира иного. И вот юродство оказывается вполне убедительным – даже для высмеивающих его. Более того, и рыцарство в их глазах есть столь же бесспорное юродство. И они не ошибаются.

Способным выводом из сказанного здесь могут послужить слова священника П.А. Флоренского об имени Павел, в которых, возможно, учтен опыт царя-мученика Павла Петровича: Павел же, каков бы он ни был лично, есть начало обратное смерти и носитель активности: и слово его тем самым идет *поперек* миру и против его шерсти.

Тут нетрудно усмотреть юродство. И действительно, Павел был удивительный, хотя и совсем в другом смысле, чем Алексей (Человек Божий). (...) ...в Павле юродство естественно и раскрывается как деятельность вопреки миру и против мира, как борьба с миром, но при использовании всех средств самого же мира, обращаемых тут против него. (...) ...Павел видит, что мир обделен, сравнительно с теми возможностями, которые заложены в его, мира, – корнях. Павел берет полноту даров, предоставленных миру, и с болью видит, как человек обделяет себя самого, но остается всегда непонятым и, следовательно, не приведшим этой борьбы к желаемому исходу”⁸⁰. Сказанный портрет, не правда ли?

И в заключение нам кажется важным отметить: *странность*, как способ существования в придворном мире, была достаточно привычна для современного Павлу Петровичу общества. Не стоит далеко ходить – достаточно вспомнить манеру поведения А.В. Суворова⁸¹. Граф Д.-Ф. Сегюр, посол Франции при дворе Екатерины II, вспоминает Суворов, “так как с первых шагов на пути славы... встретил соперников завистливых и сильных настолько, что они могли загорочить ему дорогу, то и решился прикрыть свои дарования под личиной странности. Его подвиги были блистательны, мысли глубоки, действия быстры. Но в частной жизни, в обществе, в своих движениях, обращении и разговоре он являлся таким чудачком, даже можно сказать, сумасбродом, что честолюбцы перестали бояться его, видели в нем полезное орудие для исполнения своих замыслов и не считали его способным вредить и мешать им пользоваться почестями, властью и могуществом”⁸². Эта характеристика напоминает репутацию старшего Павла Петровича, особенно в панинском кружке...

* * *

Так или иначе, но две черты личности русского царя Павла следует всегда принимать всерьез – православие и рыцарство. Из всего, названного здесь сказанного, это, кажется, очевидно. Но о тех же, в общем, началах традиционной европейской цивилизации говорил Эдмунд Берк, отстаивая их перед сторонниками французской революции: “Наша цивилизация... веками покоилась на двух принципах, будущая фактически порождением сочетания оных принципов. Я имею в виду дух *благорядства* и дух *религии*”⁸³.

- ¹ См. об этом: *Вишняков В.* Венок на гробницу императора Павла I. 3-е изд. СПб., 1991; *Исидор (Никольский), митрополит Санкт-Петербургский и Новгородский.* Дневник // Красный архив. М., 1930. Ч. 1. С. 147; *Жевахов Н.Д.* Воспоминания. М., 1993. Т. 2. С. 273.
- ² Бессудно и бесчинно убиенный. Станет ли Павел I святым? // *Религия*. 2001, № 7. С. 17–19.
- ³ Апокалиптический удар: Сб. мат. к житию св. царя-мученика Павла I. М., 2002.
- ⁴ См. подробную библиографию в книге: Старый Кирибей. Папловский гобелен. 200-летию со дня смерти Павла I посвящается / Сост. В.А. Зайцев. М., 2001. С. 95–104.
- ⁵ Наше наследие. 1996. № 38. С. 17–25. Там же: *Кальницкая Е.* “Чудо вкуса”; *Хайкина Е.* Архитектурный автопортрет императора Павла I. *Меню В.* Что читал Павел Первый. См. подготовленные этим же коллективом сборники “Михайловский замок” (СПб., 1998. Ч. I; СПб., 1998. Ч. II. Переизд. в одном томе – СПб., 2002). Кроме того см.: *Андреева М.И.* Скульптура в интерьерах Михайловского замка // Страницы истории отечественного искусства, XVI–XIX вв., СПб., 1999 (интересны нашей теме и другие материалы этого сборника). См. также каталог выставок: Мальтийский орден в России. СПб., 1998; *Асвариц М.* 11 марта 1801 года. СПб., 2001.
- ⁶ *Прот. Флоровский Г.В.* Пути русского богословия. Париж, 1937. С. 111; *Семенов В.* Что читал Павел Первый // Наше наследие. 1996. № 38. С. 20.
- ⁷ См.: Массонство в его прошлом и настоящем. М., 1915. Т. II. С. 141; и в альбом-вкладку.
- ⁸ См. списки новиковских изданий в книге: *Лонгинов М.Н.* Новикон и мейеровские мартинисты. СПб., 2000. С. 444 и др.
- ⁹ Цареубийство 11 марта 1801 года. СПб., 1907. С. 58; С. 59–60. Ср. с романом современника Павла, Новалиса, “Гейнрих фон Офтердинген”: “Великая война, как поединок, абсолютно благородная, человеческая, пронизанная философским смыслом” (*Новалис.* Гейнрих фон Офтердинген. Фрагменты. Ученики в Саисе. СПб., 1995. С. 138).
- ¹⁰ *Эйдельман Н.Я.* Грань веков. М., 1982. С. 71.
- ¹¹ Там же. С. 72.
- ¹² Цареубийство 11 марта 1801 года... С. 59.
- ¹³ *Витязева В.А.* Каменный остров. Архитектурно-парковый ансамбль XVIII – начала XX века. Л., 1991. С. 52. Полагаем совсем не лишним отметить в примечаниях духовный аспект образа Дон-Кихота. Д.С. Мережковский в своей книге об испанских мистиках писал, что главным из российских царских подвигов “вдохновенного гидальго” должно считать “защиту веры”. Там же русский мистик говорит о донкихотстве как о “рыцарстве любви небесной”. См.: *Мережковский Д.С.* Испанские мистики. Брюссель, 1988. С. 38, 47.
- ¹⁴ *Тарле Е.В.* 1812 год (Наполеон). М., 1961. С. 113.
- ¹⁵ Там же.
- ¹⁶ *Эйдельман Н.Я.* Грань веков... С. 209.
- ¹⁷ *Мережковский Д.С.* Данте. Наполеон. М., 2000. С. 327.

- Цареубийство 11 марта 1801 года... С. 13. Ср.: "...в первые годы своей ярочной жизни раза два в неделю (Цесаревич) доставлял себе удовольствие, устраивая нечто вроде турнира. На этих турнирах Павел Петрович и некоторые из придворных кавалеров, в особых костюмах, верхом, исполняли разного рода эволюции, воспроизводя забавы средневековых рыцарей" См.: (Кобеко Д.Ф. Цесаревич Павел Петрович (1754–1796). СПб., 2001 С. 124–125).
- См. *Шляев М.И.* Старое житье. СПб., 1897. С. 147–149; *Глинка Н.И.* Строгий стройный вид... М., 1992. С. 136–140.
- См. *Питницкий П.П.* Сказание о венчании Русских Царей и Императоров М., 1896. С. 62–65; Петропавловский собор. Усыпальница Российских Императоров. СПб., 1998. С. 124.
- Шильдер Н.К.* Император Павел Первый. М., 1996. С. 70.
- Хэйлинга Й.* Об исторических жизненных идеалах. L., 1992. С. 102.
- Там же. С. 106.
- Де Местр Ж.* Санкт-Петербургские вечера / Пер. и прим. А.А. Васильева. СПб., 1998. С. 356. Ср.: "...средние века, когда мы все были солдатами" (*Де Местр Ж.* Петербургские письма // Звезда. 1994. № 12. С. 118).
- Цареубийство 11 марта 1801 года... С. XXXII.
- Эйдельман Н.Я.* Обреченный отряд. М., 1987. С. 23.
- Хэйлинга Й.* Об исторических жизненных идеалах. С. 105.
- См. *Фуллер Дж.Ф.Ч.* Вторая мировая война 1939–1945. Стратегический и тактический обзор. М., 1956. С. 530–538.
- Панин А.Н.* Массонство в России. М., 1997. С. 97–98.
- Хэйлинга Й.* Об исторических жизненных идеалах... С. 105.
- Буртен Ф.* Революция и возвращение Великого Монарха / Пер. В. Карюца // Волшебная Гора. М., 1996. Вып. 5. С. 260.
- Там же.
- Эйдельман Н.Я.* Грань веков. С. 76–85.
- Хэйлинга Й.* Осень средневековья. М., 1988. С. 74.
- Как ни странно, в этом смысле можно истолковать и донкихотство. Как вполне определенно высказался Х. Ортега-и-Гассет в своих "Размышлениях о Дон Кихоте": «В известном смысле, Дон Кихот является грустной пародией более Божественного и чистого Христа: это своего рода готический Христос, подверженный современным страданиям; это нелепый Христос "из соседнего дома", созданный исполненным печали воображением...» (Цит. по: *Кемпбелл Дж.* Маски Бога. Созидательная мифология. М., 1997. Т. I, кн. 1. С. 232).
- Греч Н.И.* Записки о моей жизни. М., 1990. С. 93.
- Магницкий В.* Иеромонах Платон (Левшин), впоследствии Митрополит Московский, как законоучитель Цесаревича Павла Петровича // Вера и жизнь. (Чернигов), 1913. № 5. С. 34.
- Ключевский В.О.* Соч. в 9 т. М., 1989. Т. V. С. 412.
- Цареубийство 11 марта 1801 года... С. 14.
- Лопман Ю.М.* Сотворение Карамзина. М., 1987. С. 163.
- Русская старина. 1874. № VIII. С. 741.

- 42 Там же. С. 738. Ср. с выпиской Цесаревича из кардинала де Ретца (1770): “Иногда безделицы служат лучшими доказательствами, нежели крупные” (Русская старина. 1874. № VI. С. 558).
- 43 Берк Э. Размышления о революции во Франции. Л., 1992. С. 220.
- 44 “Добродетели Генриха IV останавливали нас на некоторое время; но мы вспомнили, что он не был конституционным Королем. Мы увидели в нем только деспота, и его статуя была немедленно опрокинута”. См.: Лотман Ю.М. Сотворение Карамзина... С. 163.
- 45 Хейзинга Й. Об исторических жизненных идеалах... С. 103.
- 46 Шильдер Н.К. Указ. соч. С. 116.
- 47 Куликовская-Романова О.Н. Светлой памяти Благочестивейшего Императора Павла I // Русский вестник. 1998. № 51/52. С. 12.
- 48 Хейзинга Й. Homo ludens. В тени завтрашнего дня. М., 1992. С. 123.
- 49 Греч Н.И. Указ. соч. С. 742.
- 50 Русская старина. 1874. № VIII. С. 742.
- 51 Де Местр Ж. Санкт-Петербургские вечера... С. 577–578.
- 52 Русская старина. 1874. № VI. С. 560.
- 53 Шильдер Н.К. Указ. соч. С. 160.
- 54 Лотман Ю.М. Сотворение Карамзина. С. 285. Обычно в отношениях императора Павла Петровича с Анной Петровной Лопухиной видят нечто схожее с подтекстом фаворитизма екатерининских времен. Вряд ли тогда еще Ф.Ф. Вигель, человек в своих суждениях злой и едкий, замечал “по горячим следам”, что это была “романтическая чистая страсть” (Вигель Ф.Ф. Записки. М., 2000. С. 77). Кроме того частое использование имени Анны в военной или дворцовой символике павловской России имеет несколько вполне официальных и убедительных на наш взгляд оснований: во-первых, младшую сестру Павла Петровича, умершую во младенчестве, звали Анна – “четырёхлетний Павел Петрович очень любил сестру-младенца и горько плакал, узнав о ее смерти” (Кобеко Д.Ф. Цесаревич Павел Петрович... С. 12). Во-вторых, с 1762 г. Цесаревич, как герцог Голштинский, стал во главе ордена св. Анны, который, воцарившись, перенес в Россию (стоит ли говорить о важности для Павла орденского устройства в государстве, продемонстрированной в мальтийском проекте?). Наконец, военный корабль “Св. Анна”, чей спуск на воду наделал в столице много шума, был назван так в честь первой супруги цесаревича Константина Павловича (Император Николай Первый. Воспоминания о младенческих годах // Детство и юность российских императоров. М., 1997. С. 306–307). Анной также звали дочь Павла I, будущую Королеву Нидерландов.

Следует обратить внимание на известный символизм имен. Вокруг Павла Петровича мы встречаем трех Анн Петровн – его бабу по отцу, дочь Петра Великого – т.е. главное существо родства, столь Павлом ценимого, с преобразователем России (в честь этой Анны Петровны был учрежден голштинский орден Св. Анны). Вторая Анна Петровна – сестра-младенец Павла. Ребенок в системе представлений немецких романтиков был сродни пророку или даже ангелу (тем более рано умерший), его образ мог руководить человеком всю жизнь. Новалис говорил о превосходстве ребенка “в самых высоких предметах” и о том, что

его поступки носят на себе отпечаток чудесного мира, еще не стертый потоком земным". По поводу этого своеобразного культа Жирмунский пишет: "Мы знаем, что здесь поэтами руководила не пустая фантазия, а живое чувство жизни". См.: *Жирмунский В.М.* Немецкий романтизм и современная мистика. СПб., 1996. С. 64. А ведь Павел был все же "романтическим императором" – в этом определении есть даже известный буквоедизм. Наконец, Анна Петровна Гагарина (Лопухина) воспринималась скорее всего как своеобразное воплощение предыдущих двух Анн, что само собою предполагает отсутствие каких-либо мотивов к банальному любовному увлечению. Вспомним, вдобавок, интерес романтиков к женской душе (Там же. С. 67–71), носительнице мистического чувства...

Череубийство 11 марта 1801 года... С. IV.

Там же. С. V. Важную для нас черту в отношениях Павла Петровича с женой заметил Н.К. Шильдер: "...мечтательный, сентиментальный взгляд Марии Федоровны на политику нашел себе сочувственный отзвук в рыцарских мыслях ее супруга..." (Император Павел Первый... С. 131.) *Уэллингга Й.* Осень средневековья. С. 81.

Там же. С. 74.

Уэллингга Й. Об исторических жизненных идеалах... С. 102.

Курдюки Ф. Истоки средневекового рыцарства. М., 1987. С. 111.

Там же. С. 247. Показательно в связи с этим, что в аскетической литературе можно встретить уподобление трудов христианского подвижника военному ристалищу. У св. Григория Нисского сказано: надежда получить венец от Господа облегчает труд подвижничества, "что, как видим, в войне бывает на ристалищах: венец, предварительно показываемый вступающим между собою в борьбу на поприщах, делает, что их тщательность о победе сильнее трудов, ожидающих в борьбе, но похищаемых из вида ожидаемую славою". См.: *Св. Григорий Нисский.* О надписании псалмов. М., 1998. С. 46.

Подробнее о том же говорит преп. Иоанн Кассиан Римлянин (Постановления киновитян. Кн. VI, гл. 7 – пример из мирского ристалища). Об участниках ристалища пр. Иоанн Кассиан писал так: "... кроме упражнения в своем искусстве, они ничего другого не знают и совершенно никакой мирской заботой не связаны, только от начальника ристалища надеются с похвалой получить пособие для ежедневного пропитания, венок славы и достойную награду за победу. Они... хранят себя чистыми от всякой скверны..." См.: *Иоанн Кассиан Римлянин.* Писания. Минск; М., 2000. С. 94. Учитывая эти примеры, почему бы не предположить в павловских "каруселях" одной из школ аскезы?..

Памятники литературы Древней Руси. XII в. М., 1980. С. 324.

Свищ. Ковалевский И. Юродство о Христе и Христа ради юродивые Восточной и Русской Церкви. М., 1902. С. 26, 27.

Там же. С. 15.

Это можно предположить из обычая, существовавшего вплоть до середины XVIII в. в Успенском Свенском монастыре (под Брянском). От живущих окрест дворян сюда поступало множество вкладов, в том числе "воинских доспехов, разного оружия, коней, сбруи и т.д. Но распоряжением Синода в 1750 г. все старинное воинское оружие велено было передать в

- местный Брянский арсенал...” См.: *Знаменский М.* Свенский монастырь. Старые годы. 1915. Июль–август. С. 86.
- 66 *Свяц. Ковалевский И.* Указ. соч. С. 224.
- 67 Там же. С. 249. (Ср. ранний старообрядческий юродивый св. Вавила, сожженный на костре в 1666 г. – “рода иноземческа, (...) в славней паре стей академии учився довольна лета. (...) железы свою силу самоизбавительно смиряет, вериги тяжки на себе положив железами же чресла опоясав; тако крестоносно страдаше”. См.: *Симеон Дионисиевич (кн. Мышецкий)*. Виноград Российский, или Описание пострадавших в России за древлецерковное благочестие. М., 2003. С. 47об. – 48 – *примеч. ред.*)
- 68 *Хейзинга Й.* Об исторических жизненных идеалах... С. 104.
- 69 *Асвариц М.Б.* Павел I и Михайловский замок // *Михайловский замок*. СПб., 1999. Ч. II. С. 16.
- 70 *Семенов В.А.* “Клии страшный глас...” // Там же. С. 71.
- 71 *Асвариц М.Б.* Указ. соч. С. 43.
- 72 Там же.
- 73 *Эйдельман Н.Я.* Грань веков. С. 137.
- 74 Там же. С. 138–139.
- 75 Там же. С. 142.
- 76 *Гоголь Н.В.* Собр. соч.: в 8 т. М., 1984. Т. 7. С. 314.
- 77 *Пыляев М.И.* Старый Петербург. (Репр. изд. 1889 г.) Л., 1990. С. 394.
- 78 *Рассказы бабушки*. Л., 1989. С. 251–252.
- 79 *Николай Кавасила.* Семь слов о жизни во Христе. М., 1874. С. 51 (140–141). Ср., с приведенной там же (II; 144–146) историей мученика Адалиона.
- 80 *Свяц. Флоренский П.А.* Имена. Б.м.: Купина, 1993. С. 240–241.
- 81 См. особенно: *День генералиссимуса Суворова* // *М.И. Пыляев* Старый Петербург. СПб., 1897. С. 200–208.
- 82 *Сегюр Л.-Ф.* Записки о пребывании в России в царствование Екатерины II // *Россия XVIII в. глазами иностранцев*. Л., 1989. С. 420.
- 83 *Берк Э.* Размышления о революции во Франции. Л., 1992. С. 154.